
ВЛАДИМИР ДАВЫДОВ
ЛЕДИ НА ОДИН ДЕНЬ
ФИЛЬМ – 4 НОМИНАЦИИ НА ПРЕМИЮ «ОСКАР»
BROADWAY
По мотивам рассказа Деймона Раньона и сценария Роберта Рискина

Владимир Давыдов

Леди на один день

«Автор»
2026

Давыдов В.

Леди на один день / В. Давыдов — «Автор», 2026

Ночной Бродвей знает её как Яблочную Энни — хромую торговку, чьи яблоки приносят удачу гангстеру Дьюку Даймонду. Лишь старожилы театров помнят Мадам Ла Гимп, артистку, когда-то покорявшую сцену. Теперь она живёт письмами дочери и учит уличных ребят актёрскому ремеслу в сыром подвале. Дочь уверена, что мать — богатая светская дама. Когда девушка приезжает из Испании с женихом и его отцом-графом, многолетняя выдумка грозит обернуться позором. Дьюк решает подарить Энни несколько дней другой жизни. Шулеры примеряют фраки, вышибалы учатся кланяться, а бывшая артистка берётся поставить самый трудный спектакль: встречу с собственным ребёнком. За дерзкой авантюрой скрываются материнская любовь, глубокая нежность и надежда снова обрести своё место в мире. Но выдержит ли маскарад столкновение с настоящей жизнью? Литературная новелла Владимира Давыдова соединяет мотивы рассказа Деймона Раньона и сценария Роберта Рискина к фильму «Леди на один день», получившему четыре номинации на премию «Оскар».

© Давыдов В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие 5
Главные и второстепенные персонажи новеллы «Леди на один день» 7
Главные персонажи 8
2. Дьюк Даймонд 9
3. Луиза 10
4. Судья Блейк 11
5. Гарри Лошадь 12
6. Шекспир 13
7. Мэр, губернатор и комиссар полиции 14
Другие действующие лица 15
География новеллы «Леди на один день» 16
1. Улица и прежняя жизнь Энни 17
2. Отель и океанский причал 18
3. Театральное закулисье и новая студия 19
Атмосфера новеллы «Леди на один день» 20
1. Текстура и сенсорика: Нью-Йорк эпохи Сухого закона 21
2. Синтез жанров: Три слоя атмосферы 22
3. Эмоциональный тон новеллы 23
Проработка характеров персонажей новеллы «Леди на один день» 24
1. Яблочная Энни (Мадам Ла Гимп / Энни) 25
2. Дьюк Даймонд 26
3. Луиза — дочь Энни 27
4. Свита и студия — Гарри Лошадь, Генри Блейк, Шекспир и ученики 28
Язык персонажей и Нью-Йорка 29
1. Голос города: Анатомия нью-йоркского сленга 1930-х годов 30
2. Речевые портреты персонажей 31
3. Лингвистический контраст: Два мира в диалоге 32
Быт персонажей и Нью-Йорка 33
1. Быт уличных низов и Яблочной Энни 34
2. Быт теневой элиты и Дьюка Даймонда 35
3. Быт Великого Маскарада (Отель «Марберри») 36
Часть 1. Яблоко для Дьюка 37
Часть 2. Последнее яблоко 39
Часть 3. Под сценой 41
Часть 4. За океаном 43
Часть 5. Правила Хэппи 45
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Владимир Давыдов
Леди на один день

Предисловие

Книга, которую вы держите в руках, посвящена Бродвею эпохи Великой депрессии и кинематографу 1930-х годов. В её основе — история о материнской любви, человеческом достоинстве и помощи, которую неожиданно предлагают те, от кого её меньше всего ждут.

В этой новелле соединены мотивы рассказа Деймона Раньона «Мадам Ла Гимп», опубликованного в 1929 году, и фильма «Леди на один день» (1933), снятого Фрэнком Капрой по сценарию Роберта Рискина. Картина получила четыре номинации на премию «Оскар». Эта книга — самостоятельная литературная адаптация, а не полный перевод рассказа или сценария.

Работая над этой новеллизацией, я применил инженерно-драматургический синтез обоих источников. Для меня было важно не просто пересказать известный сюжет, а заглянуть за кулисы этой авантюры, вдохнуть в характеры персонажей глубокий психологический объём и развернуть перед читателем то, что в кино и коротком рассказе оставалось между строк.

Так встретились два образа героини: уличная торговка Яблочная Энни, чьи яблоки служат талисманом Дьюку Даймонду, и Мадам Ла Гимп — бывшая артистка, не забывшая своего ремесла. В нашей версии Мадам Ла Гимп — её прежнее сценическое имя. Это сознательное отступление от рассказа Раньона, где прозвище связано с хромотой.

Актёрская студия Мадам Ла Гимп — авторское развитие сюжета. Здесь Энни учит газетчиков, официантку и начинающих артистов слушать партнёра, владеть голосом и свободнее держаться перед публикой. Когда друзьям Дьюка приходится готовиться к светскому приёму, её опыт оказывается незаменим. Эти эпизоды не следует принимать за документальную историю реальной театральной школы.

И, конечно, эта книга о любви. О той редкой, рыцарской и молчаливой любви, с которой король ночного Бродвея Дьюк Даймонд бережёт свою «Яблочную Энни» — любви, рожденной из детского воспоминания о свете софитов и не требующей ничего взамен.

История Мадам Ла Гимп доказывает: настоящая аристократия заключается не в титулах, замках или банковских счетах. Она — в осанке, с которой человек встречает жизненные испытания, в готовности протянуть руку помощи и в умении подарить близкому человеку сказку, даже если для этого придется перевернуть вверх дном весь Нью-Йорк.

Приглашаю вас пройти по ночному Бродвею начала 1930-х годов, заглянуть за двери подпольных клубов и увидеть, как совместная затея становится для её участников возможностью изменить собственную жизнь.

Владимир Давыдов

Главные и второстепенные персонажи новеллы «Леди на один день»

Здесь представлены персонажи этой новеллы. Их имена и роли согласованы с основным повествованием; изменения по отношению к рассказу и фильму отмечены отдельно в разделе «Об источниках».

Некоторые герои пришли из литературного и экранного источников, другие появились при работе над нашей адаптацией.

Главные персонажи
1. Энни (Яблочная Энни / Мадам Ла Гимп)

Роль: Протагонистка, уличная торговка яблоками днем и великая мастерица перевоплощения ночью.

Внутренняя суть: бывшая танцовщица, чью карьеру прервала травма ноги. Энни хранит афишу, фотографию, веер и письма дочери. Много лет она рассказывает Луизе о благополучной жизни, скрывая нужду и уличную торговлю.

Драматургическая функция: соединяет материнскую историю с возвращением к ремеслу. На приёме ей помогает прежняя сценическая выучка, а после отъезда дочери предстоит решиться на правду.

2. Дьюк Даймонд

Роль: Король ночного Бродвея, влиятельный бутлегер и подпольный магнат.

Внутренняя суть: Внешне — жесткий, опасный и непреклонный лидер криминального мира. Внутри — человек с тонкой, почти мальчишеской душой и абсолютным кодексом чести. Для него Энни — не просто «талисман на удачу» (покупаемое ежедневно яблоко), а живое воспоминание о чистой красоте, которую он впервые увидел ребенком на сцене полупустого кабаре.

Драматургическая функция: Главный двигатель сюжета. Его любовь к Энни выражается в высшем акте рыцарского самопожертвования: он переворачивает вверх дном весь Нью-Йорк, тратит состояние и организует грандиозный спектакль, оставаясь в тени.

3. Луиза

Роль: Дочь Энни.

Внутренняя суть: молодая девушка, воспитанная в Испании. Приезжает к матери с женихом Карлосом и его отцом, графом Альфонсо Ромеро. Сам Карлос в новелле не назван графом.

Драматургическая функция: Моральный ориентир и главный стимул для героини. Ради её счастья и веры в мать совершается весь этот безумный театральный маскарад.

Второстепенные персонажи (Свита Мадам Ла Гимп и Теневой Бродвей)

4. Судья Блейк

Роль: Карточный мошенник высшей квалификации, интеллигентный циник и опустившийся аристократ.

Характеристика: Генри Блейк — опытный бильярдный игрок и мастер светской беседы. Звание судьи — прозвище, а не его должность. В маскараде он изображает Э. Уортингтона Мэнвилла, богатого мужа Энни и отчима Луизы. Их прежнее знакомство получает в книге самостоятельное развитие.

5. Гарри Лошадь

Роль: один из знакомых Дьюка, привлечённых к подготовке приёма.

Характеристика: крепкий, неловкий в светских манерах человек. На репетициях учится кланяться и обращаться с бокалом; позднее помогает привести в порядок помещение студии.

6. Шекспир

Роль: Телохранитель и вышибала из игорного притона Дьюка.

Характеристика: своё прозвище, по его собственным словам, получил после неудачно произнесённой цитаты. На репетициях сближается с Розой, учится танцевать и помогает Энни с подготовкой занятий.

7. Мэр, губернатор и комиссар полиции

Роль: Представители официальной власти города.

Роль в сюжете: комиссар расследует исчезновение репортёров. Мэр и губернатор узнают от Дьюка историю Энни и появляются на приёме в «Марберри». Их участие помогает довести вечер до конца. Энни при этом изображает миссис Мэнвилл, а не испанскую графиню.

Архитектурная роль персонажей в новелле

Друзья Дьюка и молодые ученики Энни образуют ансамбль истории. Одних объединяет подготовка светского приёма, других — постоянная работа над собой. Общее дело позволяет им увидеть друг в друге людей за пределами привычных уличных ролей.

Другие действующие лица

Карлос Ромеро — жених Луизы; его отец, граф Альфонсо Ромеро, хочет познакомиться с семьёй невесты. Барселона указана как место отправления письма; Валенсия появляется в рассказе графа о бильярде.

Миссури Мартин — хозяйка клуба, которая помогает с одеждой Энни, подготовкой приёма и будущей студией. Хэппи — помощник Дьюка, ведущий переговоры и хозяйственные расчёты.

Оскар — сотрудник «Марберри», помогавший Энни получать почту. Джон — дворецкий в предоставленной квартире; Родни Кент — её владелец.

Пит — театральный служитель, помнящий сценическое прошлое Энни. Роза, Том, Нора и двое газетчиков — ученики её студии. Коротышка и Шульце принадлежат к кругу уличных знакомых, которые первыми ищут способ помочь ей.

География новеллы «Леди на один день»

Действие происходит в Нью-Йорке начала 1930-х годов, главным образом на Манхэттене. Бродвей, Таймс-сквер, Первая авеню и Гудзон создают реальную пространственную основу. Отель «Марберри» пришёл из экранной истории, а театральные помещения получили новое значение в авторской адаптации.

1. Улица и прежняя жизнь Энни

Бродвей и район Таймс-сквер

Значение: театральные кварталы, где Энни торгует яблоками и встречает Дьюка. Перекрёсток Бродвея и 42-й улицы — один из узнаваемых ориентиров района Таймс-сквер.

Атмосфера: Чугунный фонарный столб, решетки вентиляционных шахт метро, пронизывающий морозный ветер с Гудзона, запах сырого асфальта, прелых яблок и застоявшегося уличного джина. Здесь пересекаются пути театральной публики, газетчиков и гангстеров.

Комната Энни на Первой авеню

Значение: скромное жильё Энни на Первой авеню. Здесь она пишет дочери и хранит фотографии, письма и сундук с театральными вещами.

Атмосфера: тесная комната, старая печь, стол с клеёнкой, кровать и вещи, которые Энни бережёт годами.

Первое помещение студии и клуб Миссури Мартин

Значение: регулярные уроки начинаются в подвале театра, куда Энни пропускает Пит. Репетиции участников приёма проходят в клубе Миссури. Это разные помещения.

Атмосфера: в театральном подвале — декорации и немного стульев; в клубе Миссури — зеркала, сдвинутые столы и участники, примеряющие фраки. В одном месте Энни ведёт обычные занятия, в другом помогает друзьям Дьюка готовиться к приёму.

2. Отель и океанский причал

Отель «Марберри»

Значение: адрес на письмах Энни и место, где Дьюк устраивает для неё временную светскую жизнь.

Квартиру для Энни предоставляет Родни Кент; Джон заботится о гостях и хозяйстве. Именно здесь мать и дочь проводят первые вечера вместе, а разговоры в гостиной постепенно приближают решающий приём.

Причалы на Гудзоне

Значение: встреча с Луизой и прощание перед обратным отплытием. Причал связывает городскую жизнь матери с долгой морской дорогой дочери.

Атмосфера: причальные сооружения, сходни, пароходный гудок и вода между матерью и дочерью. Людской шум на берегу постепенно сменяется расстоянием, через которое уже трудно различить лица на палубе.

3. Театральное закулисье и новая студия

Подпольные клубы театрального района

Значение: рабочее окружение Дьюка и Хэппи. Важнейший для сюжета клуб принадлежит Миссури Мартин.

Неприметные входы, знакомые швейцары и служебные двери отделяют закрытый мир клуба от шумной улицы. Пространство Дьюка кажется совсем непохожим на гостиничную гостиную, пока общая затея не связывает оба мира.

Старый театр на Сорок шестой улице

Значение: подарок Дьюка и его друзей студии Энни. Помещение постепенно готовят к занятиям; пока на большой сцене работают мастера, первый ученический показ проводят в боковом зале.

Топографическая карта новеллы (Сводная таблица)

Локация
Ориентир
Значение
Событие

Бродвей
Театральные кварталы Манхэттена
Выживание и привычные встречи
Покупка яблока Дьюком

Театральный подвал и клуб Миссури
Разные помещения; точные адреса не названы
Учёба и подготовка приёма
Уроки Энни и репетиции

Отель «Марберри»
Отель из экранной истории; реальный адрес не установлен
Временная светская жизнь
Встреча семьи и приём

Причал на Гудзоне
Номер не указан
Встреча и разлука
Приезд и отъезд Луизы

Старый театр
Сорок шестая улица
Возвращение к ремеслу
Подарок студии и первые занятия

Атмосфера новеллы «Леди на один день»

Атмосфера новеллы строится на контрасте холодной улицы и тёплого театрального света. В ней соединяются нужда и повседневная помощь, авантюрный юмор и сдержанная нежность. Город продолжает жить независимо от героев, но именно в нём они находят возможность начать заново.

Ниже раскрыты ключевые элементы, создающие уникальное звучание и настроение новеллы.

1. Текстура и сенсорика: Нью-Йорк эпохи Сухого закона

Атмосфера передаётся через плотную предметную и чувственную детализацию:

Звуковой ландшафт: гудки пароходов, автомобильные сигналы, крики газетчиков и музыка за театральными дверями. Важен и звук репетиции: повторённая фраза, скрип стула, пауза перед ответом.

Запахи и вещи: мокрая шерсть, кофе, яблочная кожура, сырость старого помещения, театральная пыль и новая ткань. Эти подробности связывают уличную жизнь Энни с её возвращением на сцену.

Светотень: фонарь над мокрым тротуаром и лампа у письма сменяются гостиничным светом и освещённой сценой. «Марберри» служит местом временного маскарада, а студия — пространством, за которое Энни будет отвечать сама.

2. Синтез жанров: Три слоя атмосферы

Уличный нуар и бродвейская авантюра (Деймон Раньон):

Сухой, ироничный, ритмичный пульс ночного города.

Юмор возникает из несоответствия привычек и новой роли: люди, уверенные в уличном споре, теряются при поклоне или знакомстве с графом. При этом они способны учиться и поддерживать друг друга.

Кинематографический голливудский гуманизм (Фрэнк Капра и Роберт Рискин):

Атмосфера великой надежды посреди Великой депрессии. Ощущение чуда, создаваемого руками самих людей: когда весь город — от последней уличной торговки до мэра Нью-Йорка — объединяется, чтобы подарить матери сказку и спасти её человеческое достоинство.

Сценический магизм и театральное закулисье:

Эстетика кабаре 1908 года: потертые веера из страусиных перьев, старые театральные афиши, мышечная память великой актрисы, оживающая под бархатным платьем. Театральный подвал сначала помогает ученикам освоить простые навыки общения; позднее ремесло Энни оказывается необходимо и взрослым участникам приёма.

3. Эмоциональный тон новеллы

Ностальгия и светлая грусть: прошлое сохраняется в фотографии, афише, веере и знакомом движении руки. Вещи из старого сундука позволяют Энни узнавать себя за переменами времени.

Рыцарство и благородство низов: Молчаливая, глубокая привязанность Дьюка Даймонда. В воздухе постоянно висит невидимое, но ощутимое напряжение между его строгим гангстерским фасадом и святым преклонением перед прошлым Энни.

Тёплый финал связан с конкретными переменами: Энни получает театр для студии, решается написать дочери правду и остаётся рядом с Генри Блейком. Старая травма не исчезает, но перестаёт определять всю её жизнь.

Атмосферный срез (Сравнительная таблица стилей)

Параметр
Уличный низ (Яблочная Энни)
Светский верх (Мадам Ла Гимп)

Цветовая палитра
Графитовый, сепия, мокрый асфальт, яблочно-красный
Винный бархат, золото, слоновая кость, темно-синий

Звуковое сопровождение
Шум метро, сирены, ветреный гул
Синкопы джаза, звон хрусталя, шелест шелка

Ключевой символ
Деревянный ящик с яблоками
Раскрытый страусиный веер и старые письма

Ощущение пространства
Бетонные подвалы, промокшие мостовые
Просторные апартаменты «Марберри», театральный зал

Проработка характеров персонажей новеллы «Леди на один день»

В основе художественной глубины новеллы лежит принцип объёмной психологической проработки. Ни один из героев не является плоской маской: за каждым уличным псевдонимом, гангстерским костюмом или ролью светской дамы стоят глубокая личная драма, сложная эволюция и внутренний перелом. Ниже представлена детальная психологическая матрица ключевых персонажей новеллы.

1. Яблочная Энни (Мадам Ла Гимп / Энни)

Исходная точка: уставшая пожилая женщина, вынужденная торговать на улице. В письмах к Луизе она создаёт образ обеспеченной матери, живущей в Нью-Йорке. Дочь растёт в Испании и долго видит эту жизнь лишь через слова на гостиничной бумаге.

Внутренний стержень: Безусловная материнская любовь и колоссальная гордость. Энни не просит милостыню — она «продает удачу» в виде блестящих яблок. Её терпение и стойкость не имеют границ.

Трансформация: Когда начинается игра в «Мадам Ла Гимп», в ней просыпается не просто актриса старой сцены 1908 года, а женщина, возвращающая себе утраченное человеческое достоинство. Её осанка выпрямляется не под тяжестью платья от кутюр, а под тяжестью осознания собственного права на любовь и уважение дочери.

2. Дьюк Даймонд

Исходная точка (Теневой мир): Король ночного Бродвея, хладнокровный бутлегер, владелец нелегальных потоков виски и игорных домов. Человек с неизменным ледяным взглядом, безупречным костюмом и абсолютной властью над улицей.

Внутренний стержень: Скрытый кодекс рыцарства и суеверная преданность своему символу — утреннему яблоку от Энни. Для него это не просто бизнес-талисман, а единственный якорь, удерживающий его от полного падения в цинизм и безжалостность.

Трансформация: Дьюк берет на себя роль главного режиссёра безумной аферы не ради выгоды, а из глубокого, почти священного пиетета перед Энни. В процессе подготовки спектакля жесткий гангстер обнаруживает в себе способность к искреннему состраданию, организации и защите чужого достоинства.

3. Луиза — дочь Энни

Исходная точка: воспитанница школы в Испании, которая верит материнским письмам. Она знает мать как миссис Мэнвилл и приезжает познакомить её с Карлосом и графом Ромеро. За внешней уверенностью девушки скрывается сильное желание наконец оказаться рядом с родным человеком.

Внутренний стержень: Чистота, искренность и глубокая привязанность к образу матери. Она едет через океан не ради светских балов, а ради тепла и встречи с родным человеком.

Трансформация: приезжая к матери, Луиза постепенно становится самостоятельнее в отношениях с Карлосом и его отцом. Позже письмо Энни разрушает прежнюю иллюзию, но сохраняет и углубляет их близость.

4. Свита и студия — Гарри Лошадь, Генри Блейк, Шекспир и ученики

Исходная точка: друзья Дьюка привыкли к уличным способам разговора и решения споров. Газетчики, Роза, Том и Нора приходят к Энни со своими трудностями и надеждами. Эти разные круги постепенно сближает её преподавательская работа.

Внутренний стержень: Неожиданно просыпающееся чувство товарищества и искреннее уважение к «старухе».

Трансформация: общая подготовка помогает людям услышать друг друга. Для одних это первый опыт сценической работы, для других — возвращение к забытой ответственности. Важна готовность помочь, а не происхождение или звание.

Психологическая матрица персонажей

Персонаж
Внешняя роль
Внутренний мотив
Перемена

Энни
Торговка; затем миссис Мэнвилл
Сохранить близость с дочерью
Решается на правду и возвращается к работе

Дьюк Даймонд
Уверенный в себе делец
Скрытая привязанность к Энни
Рискует выгодой и дарит студии театр

Луиза
Дочь обеспеченной матери
Любовь к матери и Карлосу
Принимает правду из письма Энни

Генри Блейк
Мнимый муж — мистер Мэнвилл
Привязанность и запоздалая ответственность
Становится настоящим мужем Энни

Язык персонажей и Нью-Йорка

Язык новеллы — это один из главных инструментов погружения в эпоху. Чтобы воссоздать неповторимый колорит Нью-Йорка 1930-х годов, используется лингвистический синтез: с одной стороны, сухой, ритмичный и ироничный арго бродвейских бутлегеров и карточных шулеров (в традициях прозы Деймона Раньона), с другой — изысканная, театральная лексика старой сцены и контрастирующий с ней сентиментальный, сдержанный тон нью-йоркской улицы.

Ниже описаны языковые особенности персонажей и самого города, формирующие уникальный голос новеллы.

1. Голос города: Анатомия нью-йоркского сленга 1930-х годов

Город в новелле разговаривает языком газетных заголовков, ночных клубов спикизи и полицейских сводок времен Сухого закона:

Лексикон улицы: «рэкет», «бутлегер», «колымага», «большая шишка». Слова обозначают занятия, вещи и положение человека среди знакомых; вместе с прозвищами они делают разговор конкретным и узнаваемым.

Ритм речи: Короткие, рубленые фразы, лишенные лишних деепричастий. Диалоги звучат как перестрелка пулями из «Томпсона» — быстро, хлестко и с непременной долей едкого цинизма.

2. Речевые портреты персонажей

У каждого героя в новелле собственный уникальный регистр речи, отражающий его социальное положение и внутреннюю трансформацию:

Энни (Яблочная Энни / Мадам Ла Гимп):

На улице: Речь экономная, усталая, чуть хрипловатая от сырости, с простыми оборотами уличной торговки.

В работе и на приёме: Энни старается говорить разборчивее, не торопится с ответом и слушает партнёра. Прежняя сценическая выучка помогает ей владеть вниманием собеседника, но не превращает её в другого человека.

Дьюк Даймонд :

Интонация: Спокойный, тихий, смертельно опасный баритон человека, которому не нужно повышать голос, чтобы его услышали.

Стилистика: короткие распоряжения, сдержанные ответы и грубоватые шутки. С Энни Дьюк чаще говорит бережнее; его привязанность заметна в поступках сильнее, чем в признаниях.

Судья Блейк (Карточный мошенник):

Интонация: Ироничный, напыщенный академизм обанкротившегося интеллектуала.

Стилистика: Блейк любит длинные фразы и учтивые обороты, иногда пряча за ними растерянность. Наиболее важные разговоры с Энни, напротив, требуют простых слов.

Гарри Лошадь и другие участники репетиций

Интонация: Тяжеловесная, просторечная, с обилием сленга и сопротивлением правилам грамматики.

Стилистика: Их речь полна экспрессивных восклицаний и угроз («на дно Гудзона», «в цементных ботинках»), которые под давлением уроков этикета Мадам Ла Гимп комично трансформируются в неуклюжие попытки сказать: *«Имею честь кланяться, миледи»*.

3. Лингвистический контраст: Два мира в диалоге

Драматургия книги построена на столкновении двух языковых пластов:

Нижний пласт — уличный разговор: конкретные требования, прозвища и короткие ответы. Его энергия создаёт комедийный контраст с размеренной беседой в гостиной.

Верхний пласт (Светский салон / Театр): Возвышенная лексика, эстетика манеры, синтаксис классической драматургии. («Ах, граф, традиция европейского гостеприимства так хрупка в наш стремительный век»).

Именно через преодоление этого языкового барьера — когда суровые бандиты учатся говорить языком аристократов, а нищая торговка возвращает себе голос великой актрисы — рождается подлинная магия новеллы.

Быт персонажей и Нью-Йорка

Бытовой пласт новеллы — это фундамент, который материализует историческую эпоху Великой депрессии и задаёт физическую ощутимость каждого кадра. Быт персонажей Нью-Йорка 1930-х годов разделен на два резко контрастирующих, но непрерывно пересекающихся мира: выживание уличных низов и показная роскошь теневых королей эпохи Сухого закона.

Ниже представлена детальная анатомия повседневной жизни, вещей, привычек и вещного мира новеллы.

1. Быт уличных низов и Яблочной Энни

Быт подворотней 42-й улицы подчинен жесткой логике физического выживания, холода и экономных привычек:

Жильё Энни

Скромная комната на Первой авеню: кровать, стол с клеёнкой, печь, фотографии и сундук с театральными вещами. Энни знает каждый предмет на ощупь и только перед переездом замечает, как мало вещей хочет взять с собой.

Вещей, которые Энни хочет взять с собой, оказывается немного. Их ценность определяется памятью: письма дочери и театральные реликвии нельзя заменить новой мебелью.

Освещение: лампа у письменного стола. Её свет позволяет рассмотреть бумагу и фотографию, пока за стеной продолжается жизнь соседей.

Утренний и вечерний ритуал Энни:

Рабочий день связан с поиском покупателей и подходящего места у театра. Хорошее представление обещает весёлую публику, дождь — пустую улицу и долгие часы ожидания.

Энни бережёт товар, выбирает хорошее яблоко для Дьюка и держит мелочь отдельно от доллара, предназначенного дочери. Важнее выручки для неё остаётся возможность отправить деньги и письмо.

Борьба с холодом: газетная бумага в изношенной обуви, старая одежда и возможность ненадолго согреться в помещении. Эта повседневность объясняет цену подаренной ей заботы.

Предметный мир прошлой жизни (Тайник):

Театральные вещи в сундуке: старый веер с повреждёнными перьями, афиша, фотографии и пустой флакон. Они сохраняют связь с прошлым и постепенно возвращаются из тайника памяти в повседневную жизнь.

2. Быт теневой элиты и Дьюка Даймонда

Быт бутлегеров и королей ночного города — это демонстративный лоск, скрытый под землей или за неприметными фасадами:

Автомобили и транспорт:

Автомобиль помогает Дьюку быстро перемещаться между клубом, гостиницей и местами деловых встреч. Машина становится также частью временного комфорта, который друзья стараются обеспечить Энни и её семье.

Культура подпольных заведений (спикизи):

Вход в клуб и служебные двери подчёркивают различие между публичной и закрытой жизнью города. Привычные для друзей Дьюка проходы позднее оказываются неудобны для тщательно подготовленного светского выхода.

Внутри — столы, зеркала, бар и места для музыкантов. При подготовке приёма это привычное пространство превращается в репетиционную площадку.

Гардероб и личные привычки Дьюка:

Одежда и манеры важны Дьюку: он следит за жилетом, шляпой и впечатлением, которое производит. Обычный выбор костюма сопутствует разговорам о крупных сделках, а в дни подготовки приёма уступает место чужим заботам.

Безупречные пальто с каракулевыми или соболиными воротниками, индивидуальный пошив костюмов-троек из тяжелой английской шерсти, лакированные туфли, шляпы «Федора» марки «Стетсон», серебряные портсигары с монограммами.

3. Быт Великого Маскарада (Отель «Марберри»)

Бытовой контраст достигает пика, когда Энни переступает порог люкса в отеле «Марберри»:

Предметный мир аристократического приема:

Тяжелые фарфоровые сервизы с золотой каемкой, серебряные приборы с гербами, салфетки из крахмального льна, многоярусные подносы с канапе и фруктами.

Мягкие персидские ковры, глушащие шаги, тяжелые бархатные портьеры, хрустальные люстры с сотней рожков.

Процесс преображения (пока-ёкэ детали):

Ванна с розовой водой и солями, тяжелые шёлковые халаты, корсеты, затягиваемые костюмерами, гримерные пудреницы, щипцы для горячей завивки волос.

Тюбики с алой помадой, перламутровый лак для ногтей, кружевные перчатки из лайковой кожи, скрывающие натруженные, огрубевшие уличным морозом пальцы Энни.

Бытовая матрица новеллы (Сводная таблица)

Элемент быта	**Улица (Яблочная Энни)**	**Подполье (Дьюк Даймонд)**	**Отель «Марберри» (Мадам Ла Гимп)**
Еда и напитки	Черствый хлеб, кипяток, прелые яблоки	Канадский виски, стейки, сигары	Ужин, кофе, гостиничная посуда
Одежда	Потертая шаль, дырявое пальто, стоптанные башмаки	Костюм-тройка, двубортное пальто, шляпа «Федора»	Вечернее бархатное платье, боа, перчатки, веер
Бытовой комфорт	Печь, старая кровать, газеты в обуви	Кожаные кресла, паровое отопление, личный автомобиль	Персидские ковры, горячая ванна с слуги
Главный предмет	Деревянный ящик с яблоками	Серебряный портсигар, автомобиль	Письма, веер, хрустальный бокал

Часть 1. Яблоко для Дьюка

К вечеру Энни переставала чувствовать ручку корзины. Пальцы сгибались вокруг неё сами, и, когда надо было пересчитать мелочь, приходилось сначала поставить корзину на мостовую, а потом по одному разогнуть их другой рукой.

У театрального входа пахло мокрой шерстью. Люди спешили под навес; мужчина в светлых перчатках придержал спутницу за локоть, оберегая от лужи. Энни отступила, чтобы не задеть его пальто.

— Яблоки! Хорошие яблоки!

Человек в перчатках прошёл мимо. Его спутница оглянулась, но он уже открыл перед ней дверь.

Энни снова подняла корзину.

В этих кварталах она знала почти всех, кому было незачем покупать билет в театр. Знала, где сегодня подают суп, у какого подъезда прогонят сразу, а у какого позволят постоять до конца дождя. Знала музыканта Шульце, слепого Коротышку и людей, которые называли себя слепыми, когда к ним приближался полицейский. Иногда она направляла их к тому театру, где шёл удачный спектакль: весёлая публика охотнее доставала кошельки.

— К «Казино» иди, — сказала она Шульце. — Там нынче смеются.

— Значит, сегодня поедим, — ответил он и поднял воротник.

Из дверей клуба Миссури Мартин показался посыльный.

— Энни! Дьюк тебя ищет.

— А я его не прячу.

— Сказал, чтобы ты пришла.

Она поправила шляпу. Даже для встречи с Дьюком Даймондом следовало выглядеть прилично.

У ступеней нога подвернулась. Энни остановилась, пережидая боль, и перехватила корзину. Подхватить её попытался старый театральный служитель, вышедший покурить.

— Осторожнее, мадам Ла Гимп.

— Давно тебе зубы не пересчитывали, Пит?

Он усмехнулся, но придержал дверь.

Это имя ещё помнили кое-где за кулисами. Когда-то его произносили со сцены и печатали на афишах. После травмы оно стало звучать насмешливо, и Энни перестала откликаться на него. На улице её знали под другим именем. На улице она продавала газеты, цветы, наконец яблоки. Газеты устаревали, цветы вяли, а яблоки по крайней мере можно было съесть.

Пит помнил её другой. Иногда, стоя у служебного входа, он начинал рассказывать об этом молодым, но Энни всякий раз обрывала его. Особенно не любила, когда он говорил, как ей аплодировали. Она и сама помнила.

В клубе вокруг столика собрались мужчины. На двух кусочках сахара сидели мухи. Один из мужчин держал дыхание; другой, лысый грек, едва заметно улыбался. Дьюк смотрел на сахар с тем выражением, с каким другие люди смотрят на завещание богатого дядюшки.

Муха перелетела.

Грек протянул руку за деньгами.

— Ещё раз? — предложил он.

— Хватит, — сказал Дьюк.

Его помощник Хэппи покосился на Энни.

— Вот и причина. Не было яблока.

Дьюк вынул доллар и выбрал из корзины крупное красное яблоко. Место под яблоком осталось светлым, почти чистым: Энни весь день берегла его для этого покупателя.

— Сдачи не надо.
— Пусть тебе повезёт.
— В субботу тебя где носило? Ни одной скачки не выиграл.
— Прихворнула.
Он посмотрел на неё внимательнее.
— Опять пила?
— Очень мне надо.
— Доктор велел завязать.
— Доктор много чего велит. Сам бы попробовал пожить на мои деньги.
Хэппи достал часы.
— Если обсуждение почек закончено, нас ждут люди с настоящими деньгами.
Энни убрала доллар отдельно от мелочи. Эту монету она сегодня не потратит.
Уже в дверях она услышала, как Хэппи спросил:
— Ты всерьёз думаешь, что эта старуха приносит тебе удачу?
Ответа Энни не разобрала. Но Дьюк вышел на улицу с её яблоком в руке.

Часть 2. Последнее яблоко

После клуба торговля пошла хуже. Мелочь, которую Энни получила за день, оттягивала карман совсем чуть-чуть; она проверяла её пальцами, хотя и без того знала сумму. Доллар Дьюка лежал в другом кармане. До утра его следовало превратить в перевод для Луизы, а не в ужин.

Она вернулась к театру. Представление началось, и под навесом стоял только Пит. На улице пустовало, время от времени проезжало такси. Водители смотрели прямо перед собой: у каждого был свой план, сколько надо заработать, прежде чем возвращаться домой.

— Чего встала? — спросил Пит. — До антракта ещё долго.

— У тебя часы спешат.

— У меня часы стоят с четверга.

Он показал цепочку, исчезавшую в кармане жилета. Энни помнила, как на другом конце действительно были часы. Теперь Пит носил цепочку по привычке и на вопросы о времени отвечал в зависимости от настроения.

Она уселась на нижнюю ступень, поставив корзину между ног. Пит достал пакет с бутербродом, разломил пополам. Энни отказалась.

— С луком, — предупредил он. — Дама может пожалеть.

Она взяла половину.

Они ели молча. Изнутри доносилась музыка, приглушённая несколькими дверями. Оркестр играл чуть быстрее, чем следовало. Энни повернула голову, прислушалась и невольно отбила каблуком три коротких удара.

Пит заметил.

— Помнишь?

— Нога замёрзла.

— А я помню, как ты ругалась из-за такого темпа. Дирижёр тебя боялся больше, чем хозяина.

— Хозяин ему платил.

— Плохо платил. Тебе платил не лучше.

Она вытерла пальцы о бумагу. Пит не был из тех, перед кем приходилось изображать полное благополучие. Но рассказывать о Луизе всё равно не хотелось. Стоило назвать её имя, и человек начинал расспрашивать, почему не приедет, почему не заберёт мать к себе. На такие вопросы у Энни были готовые ответы, но произносить их вслух было тяжелее, чем писать.

В антракте из дверей высыпали курильщики. Энни поднялась. Один купил яблоко, попросил завернуть. Другой дал монету и отошёл, не дожидаясь покупки. Она окликнула его; он махнул рукой.

— Я торгую, — пробормотала она, возвращая яблоко в корзину.

Пит слышал, но ничего не сказал.

Когда зрители ушли обратно, он принёс ей старую театральную программку. Буквы на обложке расплылись от сырости.

— Нашёл за шкафом. Подумал, тебе пригодится.

Энни не взяла.

— Сожги в печке.

— Посмотри сначала.

Внутри была фотография труппы. Она стояла с краю, почти отвернувшись, и улыбалась человеку, не попавшему в кадр. Энни не могла вспомнить, кто это был. Мелкая неприятность вдруг задела её: лица зрителей давно исчезли, а человек, заставивший её рассмеяться, должен был остаться в памяти.

Пит ждал.

— Дай сюда, — сказала она.

Программка легко поместилась под яблоками. По дороге домой Энни купила хлеб, но не стала заходить в заведение у угла, где отпускали в долг и наливали без вопросов. У неё оставалось одно хорошее яблоко. Она взяла его в руку, подумала и убрала на завтра. Утром мог прийти кто-нибудь голоднее.

Часть 3. Под сценой

По вторникам Пит оставлял служебную дверь незапертой. Энни приходила, когда публика уже расходилась, и спускалась по узкой лестнице. Внизу пахло сыростью, краской и верёвками. От прежних декораций оставались куски стен, на которых были нарисованы окна в чужие счастливые дома.

Здесь стояло шесть стульев. Седьмой полагался преподавательнице, но Энни почти никогда не садилась на него: не хватало.

В этот вечер пришли Роза, двое газетчиков, официантка Нора и молодой человек по имени Том. Он хотел стать актёром, хотя пока его нанимали только двигать декорации. Младший газетчик сел у трубы, старший остался возле двери, готовый уйти, если занятия затянутся.

Энни поставила корзину под стол.

— Кто опоздал, тот начинает.

— Я не опоздал, — сказал Том. — Часы наверху спешат.

— Выйди и войди ещё раз. Ты пришёл просить работу. Я директор.

Он тяжело вздохнул и вышел.

Когда вернулся, все сразу увидели старание. Том расправил плечи, раздвинул ноги, заговорил слишком громко. Энни дала ему договорить.

— Какую работу ты просишь?

— Любую.

— Тогда я тебе дам таскать уголь. За этим пришёл?

Он замолчал.

— Ты хочешь, чтобы тебя взяли на сцену. Скажи это. Не показывай голос. Объясни, что умеешь.

Второй раз вышел хуже. Третий — проще. На четвёртый Том перестал изображать актёра и просто попросил прослушать его. Энни кивнула.

Роза разучивала короткую сцену с письмом. Письма у неё не было; она держала старую накладную. Энни спросила, что в конверте.

— Я же читаю.

— А до того как прочла? Ты ждала хороших новостей или плохих?

Девушка посмотрела на бумагу, словно впервые увидела. Занятие началось заново. Нора хотела научиться отвечать посетителям без дрожи в голосе. Хозяин ресторана сердился, когда она краснела и путала заказы. Энни поставила перед нею три пустые чашки, велела выслушать каждого и повторить заказ спокойно. Газетчики тут же придумали невозможные требования.

— По одному, — сказала Энни. — Здесь не базар.

— На работе базар, — возразила Нора.

— Тогда тебе особенно надо не торопиться.

Мальчики считали себя людьми занятыми, но уходили последними. Одному Энни помогала читать длинные слова из газеты, другого просила рассказывать о дне так, чтобы слушатель понял, где начинается история. Никто не платил. Иногда приносили хлеб, иногда кусочек мыла; Пит однажды достал целую пачку чистой бумаги.

Название студии придумала Роза. Написала на дощечке «Мадам Ла Гимп», поставила у лестницы. Энни рассердилась: подобные вывески годились для людей с помещением и разрешением. Роза не спорила, убрала дощечку, но имени не забыла.

Когда Энни вела урок, нога всё равно болела. Голос иногда садился; случалось, что она приходила раздражённой и говорила резче, чем следовало. Ученики не видели перед собой чудесно спасённую артистку. Они видели женщину, которая знала, как сделать лучше, и заставляла повторять, пока не выходило.

Пит принёс лампу: верхний свет пора было гасить.

Энни отпустила всех, но задержалась убрать стулья. Роза взяла их у неё из рук.

— Ты хотя бы здесь не работай за нас.

Энни хотела возразить, потом присела на последний стул. Несколько минут она смотрела, как молодые передвигают тяжёлые декорации, открывая проход к лестнице. Дощечку Роза спрятала за нарисованным окном. Энни видела это и на этот раз промолчала.

Часть 4. За океаном

Луиза перечитывала письмо матери возле окна. Бумага была плотной, непривычной на ощупь; знакомый герб вверху страницы давно стал для неё чем-то вроде семейного знака. Она никогда не видела гостиницу, название которой стояло под ним, но представляла её очень подробно.

У матери, наверное, были высокие окна и письменный стол, за которым удобно сидеть. В некоторые дни Луиза пыталась представить, что видит мать, пока сама читает: вот та откладывает перо, зовёт прислугу, интересуется, не пропустили ли почту.

Рядом лежало незаконченное письмо в Нью-Йорк. Самое важное Луиза никак не могла написать.

Карлос пришёл после полудня. Его отец остался внизу разговаривать со старшей из монахинь, ведавших её учением. Карлос стоял у двери, ожидая разрешения войти, хотя приходил сюда уже много раз.

— Я сказала маме, что ты бываешь у нас, — произнесла Луиза.

Он покраснел.

— Только это?

Она протянула письмо. Карлос прочёл строчки о себе с таким сосредоточенным видом, будто получал приказ о назначении. Потом спросил, действительно ли матери понравился бы такой зять.

— Она тебя ещё не знает.

— Значит, надо познакомиться.

Луиза рассмеялась. Она думала, он шутит.

Но вечером граф говорил о поездке в Америку. Речь шла об удобном пароходе, о знакомом, который уже был в Нью-Йорке, о нескольких делах, которые можно уладить заодно. Луиза слушала и не понимала, почему взрослые не называют главного: они едут к её матери.

— Вы ведь давно её не видели? — спросил граф.

— Давно.

Он посмотрел на девушку внимательнее. В голосе не было насмешки, но Луиза ощутила необходимость объяснить отсутствие матери. Рассказала о врачебном запрете на морское путешествие. О занятости мистера Мэнвилла. Об их желании дать ей воспитание здесь.

Все объяснения были знакомыми, прочитанными много раз. Впервые, произнося их подряд, она услышала, как неловко они звучат.

Граф не возражал. Он только сказал, что знакомство семей не следует откладывать до свадьбы.

После его ухода Карлос задержался у калитки.

— Ты рада?

— Очень.

Он взял её руку, и она сама испугалась, до чего сильно сжала его пальцы.

— Мама не знает, — прошептала Луиза. — Всё так неожиданно.

— Напишем сегодня.

— А если письмо не успеет?

Он обещал выяснить, какой почтой лучше отправить. Ему было приятно решать для неё практические вопросы; он сразу заговорил о расписаниях и адресе агента.

Луиза слушала его и кивала. Ей хотелось рассказать, что не только мать, но и она сама много лет представляла эту встречу. В её воображении не было ни графа, ни жениха, ни слуг; только дверь, которая открывается, и женщина, узнающая её сразу.

Ночью она всё-таки дописала письмо. Сначала сообщила, что приезжает, потом рассказала о планах графа, затем зачеркнула целую страницу. В новом варианте было слишком мало радости, словно она извинялась за поездку. Пришлось начать заново.

Уже под утро она приписала: «Я так счастлива, мама. Ты ведь тоже рада?»

Конверт Луиза заклеила быстро, пока не решила исправить ещё что-нибудь.

Часть 5. Правила Хэппи

Хэппи не любил, когда Дьюк играл против грека. С картами дело обстояло понятнее: можно было следить за руками, за сдачей, за лицами. У мухи лица не было, и это ставило Хэппи в затруднительное положение.

Он сел в машине рядом с Дьюком и развернул записную книжку. У него был разборчивый мелкий почерк, который никто из приятелей не умел повторить. Этим почерком он записывал суммы, фамилии и время встреч; если книжка попадала не в те руки, там не находили ничего особенно интересного.

— Двести за машину. Сорок за цветы. Тысяча пятьсот за насекомое.

— Довольно.

— Я только свожу расходы.

Дьюк повернул яблоко в ладони. Фрукт был холодный; большой палец проходил по гладкой кожуре и всякий раз задерживался у небольшого шрама.

Хэппи знал историю о первой удачной игре после покупки у Энни. Дьюк рассказывал её редко, чаще за него рассказывали другие, прибавляя подробности. В одной версии он выиграл состояние; в другой избежал пули; третья соединяла оба события, хотя происходили они, вероятно, в разные годы.

Правда, которую помнил Хэппи, была скромнее. Дьюк тогда уже несколько дней проигрывал. Купил яблоко, не успел съесть, сунул в карман и вернул долг. На следующий вечер, выйдя из дома, обнаружил там смятый плод и впервые за неделю рассмеялся. С тех пор стал покупать.

Хэппи не считал нужным напоминать об этом. У каждого человека должно быть немного хозяйственных привычек, не подлежащих обсуждению. Его собственная состояла в том, чтобы всегда садиться лицом к двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.